

«ТОРЖЕСТВО ДОБРОДЕТЕЛИ» («МИНИСТР ПЛОДОРОДИЯ»)

НЕИЗДАННАЯ КОМЕДИЯ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА

Статья Б. Я. Б у х ш т а б а

Публикация В. Э. Б о г р а д а

Как известно, литературная биография Козьмы Пруткова тесно связана с некрасовским «Современником».

Имя славное Пруткова,
Имя громкое Козьмы —

впервые было названо в первом номере «Литературного ералаша» — специального сатирического приложения к «Современнику», которое в течение 1854 г. постоянно появлялось при книжках журнала. В пяти номерах «Литературного ералаша», содержащих «Досуги Кузьмы Пруткова», было опубликовано не менее половины всего дошедшего до нас литературного наследия Пруткова. «Досуги Кузьмы Пруткова» настолько преобладают в «Литературном ералаше», что естественно связать самую идею появления в «Современнике» такого приложения с желанием Некрасова предать гласности плоды вдохновений и раздумий Козьмы Пруткова.

После прекращения «Литературного ералаша» Козьма Прутков умолкает на шесть лет. Новые публикации его произведений появляются в новом сатирическом приложении к «Современнику» — «Свистке». «Свисток» выходил нерегулярно: сравнительно часто при Добролюбове, который был его душой, его основным автором (по три номера в 1859 и 1860 гг.), и изредка в позднейшие годы (по одному номеру за 1861, 1862 и 1863 гг.).

Таким образом, всего вышло девять номеров «Свистка»; Козьма Прутков принимал участие в четырех. В 4-м номере «Свистка» помещено семь стихотворений Пруткова под общим заголовком «Пух и перья (Daunen und Federn)». Сохранившаяся корректура (гранки) показывает, что первоначально предложено было 18 произведений, часть которых была опубликована лишь много лет спустя, а часть так и не была напечатана¹.

В «Свистке» Козьма Прутков уже не играл основной роли, и произведения его отбирались скупо. В 5-м и 7-м номерах «Свистка» напечатано по одному произведению, а в 9-м читателям сообщено, что Козьма Прутков окончил свое земное поприще: опубликован «Краткий некролог и два посмертные произведения Кузьмы Петровича Пруткова». 9-й номер «Свистка» был последним.

Однако, как показывают приводимые ниже материалы, у редакции «Современника» было намерение продолжать «Свисток» и в следующем году.

В комментариях к Полному собранию сочинений Козьмы Пруткова в издании большой серии «Библиотеки поэта» процитировано хранящееся в ГПБ письмо В. М. Жемчужникова к А. Н. Пылину с вопросом: «Пытались ли отдавать „Министра плодородия“ и „Фантазию“ в цензуру и как приняли?»². Письмо имеет дату «25 ноября». В комментариях оно датировано периодом 1863—1865 гг. и предположительно 1865 годом.

Материалы, публикуемые ниже, дают возможность с большой вероятностью датировать письмо 1864 годом.

Как видим, уже после завершения прутковского цикла некрологом авторы его пытались продолжить публикацию произведений Прутков — несомненно, в «Свистке», ибо вне сатирического приложения, в основном тексте «Современника» Козьма Прутков был бы совершенно неуместен. И редакция «Современника» намеревалась напечатать новые, посмертные произведения Прутков.

О том, что существует неизданная комедия Козьмы Прутова «Министр плодородия», стало известно в 1933 г., когда П. Н. Берков опубликовал по материалам архива Пушкинского дома три письма В. М. Жемчужникова к А. Н. Пыпину 1883 г.³ Письма эти связаны с подготовкой первого собрания сочинений Козьмы Прутова, выпедшего в 1884 г. В одном из них, перечисляя все, что должно войти в это издание, В. М. Жемчужников указывает в разделе «Сценические творения»: «„Министр плодородия“ (рукопись была передана в редакцию „Современника“ 1863 или 4 г., не напечатана и не возвращена)».

До недавнего времени это было все, что мы знали о затерянной комедии Козьмы Прутова. Но опубликованные П. Н. Берковым письма В. М. Жемчужникова к А. Н. Пыпину имеют непосредственное продолжение в виде трех писем, хранящихся в ГПБ. Последнее из них, целиком посвященное «Министру плодородия», напечатано в выдержках в нашей вступительной статье к Полному собранию сочинений Козьмы Прутова⁴. Приводим его полностью:

24
12 февраля 1884 г.
Villa Isola bella.
Menton. France.

Многоуважаемый
Александр Николаевич!

Во имя покойного Козьмы Прутова, которого память (как ныне оказывается из радушного приема публикою издания его сочинений) достойно читается по сию пору, — прошу вас наубедительнейше: нет ли возможности поручить кому-либо пересмотреть в бумагах бывшей редакции «Современника» (если таковые остались) за 1860—4 года, — не найдется ли там рукописи, или даже корректурных листов *комедии Козьмы Прутова «Министр плодородия»*? — Она была дана мною в 1860—4 годах, охотно принята редакциею, но, как мне сообщили потом, — *не пропущена ценсурой* (поэтому я и говорю о «корректурных листах»). Я помню, что мы все смеялись тогда, что Валуев принял тип министра за свой. Теперь я не нахожу подлинной рукописи этой комедии у себя и не могу съездить в СПб. и поискать ее там, в бумагах покойного графа Перовского; а между тем хотелось бы поместить ее во 2-м издании сочинений Козьмы Прутова. Хотя в той рукописи, которая была передана мною редакции «Современника», эта комедия была немного переделана, именно в цензурных видах, но я мог бы теперь повсюду выкинуть эти переделки и восстановить подлинник по памяти: а восстановить ее всю по памяти — мы не можем: ни я, ни брат мой Алексей, ибо уже стары, живем не вместе, да духом не прежние.

Если возможно, помогите мне в этом, ради удовольствия наших соотечественников.

Во всяком случае откликнитесь на сию просьбу и ведайте, что я очень нередко останавливаюсь воспоминаниями на вас, из числа немногих, живущих в России, с кем хотелось бы видаться, видаться и беседовать. Простите мне такую откровенность.

Ваш всегда В. Ж е м ч у ж н и к о в

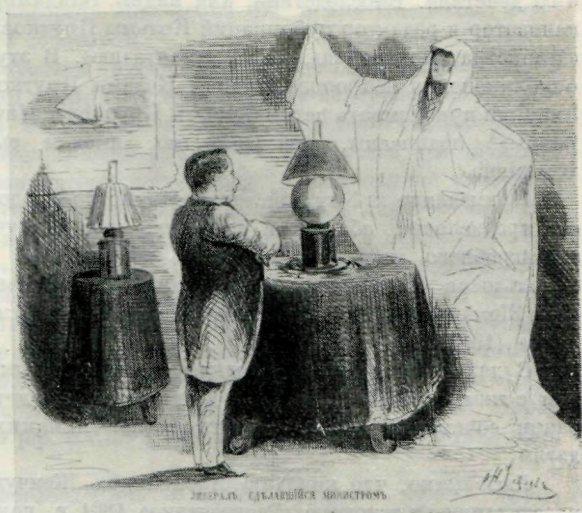
Таким образом, не имея возможности включить «Министра плодородия» в первое издание Полного собрания сочинений Козьмы Прутова, В. М. Жемчужников настойчиво стремился опубликовать его во втором издании. Это — единственное произведение, которым он хотел дополнить основной корпус творений Козьмы Прутова,

«ЛИБЕРАЛ, СДЕЛАВШИЙСЯ
МИНИСТРОМ»

Карикатура Н. В. Певлева

Под рисунком подпись:
Тень: «Либерал может сделаться
министром, но может ли министр
сделаться либералом — вот в чем
вопрос?»

«Гудок», 1862, № 19

ЛИБЕРАЛ, СДЕЛАВШИЙСЯ МИНИСТРОМ.

строго очищенный от всего, что не соответствовало «цельности и достоинству типа»⁵.

В. М. Жемчужников в поисках текста неизданной комедии пошел по правильному пути: корректура, по которой комедия печатается, обнаружена В. Э. Боградом в фонде А. Н. Пыпина в архиве Академии наук СССР (ед. хр. 172). Неясно, почему Пыпин не возвратил его литературной собственности. Быть может, Пыпин не сразу разыскал ее (в корректуре она называется не так, как в письме Жемчужникова), а в том же 1884 г. Владимир Жемчужников умер. Единственный оставшийся в живых «опекун» Козьмы Пруткова, Алексей Жемчужников, гораздо меньше своего брата интересовался судьбой Козьмы Пруткова и не стремился дополнять текст собрания его сочинений⁶.

Предисловие к публикуемой комедии помечено 11 октября 1864 г. Число 11 можно считать мнимым, ибо, как было указано в «Кратком некрологе», Козьма Прутков «никогда не заканчивал своих рукописей в другое число, как в 11-е»⁷. Но сомневаться в месяце и годе у нас нет никаких оснований. Поэтому и упомянутое выше письмо В. М. Жемчужникова к Пыпину от 25 ноября, в котором он спрашивает, «пытались ли отдавать: „Министра плодородия“ и „Фантазию“ в цензуру и как приняли», — естественно датировать тем же годом.

В корректуре пьеса озаглавлена «Торжество добродетели». Между тем, В. М. Жемчужников называет ее «Министр плодородия», — не только через двадцать лет, когда он мог уже забыть название, но и непосредственно после передачи комедии в редакцию «Современника». В том, что речь идет об одном и том же произведении, убедится каждый, кто заглянет хотя бы в список действующих лиц «Торжества добродетели», где на первом месте поставлен «министр плодородия». Вероятно, название «Торжество добродетели» — одно из тех смягчений текста для цензуры, о которых говорит Жемчужников в позднейшем письме. Результатом цензурного приспособления является и то, что действие комедии происходит за границей, во Франции — обычной прием цензурного смягчения. Вспомним у Некрасова:

Если скажешь: «В дворянских именах

Нищета ежегодно растет», —

«Речь идет о сардинских владеньях» —

Поясню, — и статейка пройдет!

Комедия была задумана, несомненно, в качестве творения Козьмы Пруткова. Об этом свидетельствует, в частности, примечание Козьмы Пруткова к мизансцене

4-го действия. Впоследствии, как видим, Владимир Жемчужников — всегдашний организатор и редактор публикаций Козьмы Пруткова — безусловно отнес к его трудам «Министра плодородия», как и «Фантазию». В эту же пору, непосредственно после опубликования некролога, творцы Козьмы Пруткова решили было дальнейшие публикации приписывать детям Козьмы Пруткова. Начатые в то же время «Военные афоризмы»⁸ подписаны, как известно, именем сына Козьмы Пруткова — Фаддея Козьмича.

Примечание к 4-му действию «Министра плодородия» авторы, однако, не сняли, а в предисловии объявили читателю, что получили его от Козьмы Пруткова из загробного мира, посредством спиритизма. Впоследствии этот мотив был использован Александром Жемчужниковым в фельетоне «С того света» (1876) и Алексеем Жемчужниковым в стихотворении «Посмертное произведение Козьмы Пруткова» (1907).

В дальнейшем авторы Козьмы Пруткова отказались от идеи поставить рядом с ним, помимо его отца и деда, еще и его детей. В изданном ими Полном собрании сочинений Козьмы Пруткова нет никаких произведений, приписанных его детям.

Любопытно, что комедию Александра Жемчужникова «Любовь и Силив», уже напечатанную в журнале «Развлечение» 1861 г. под именем Козьмы Пруткова, автор предисловия (вероятно, Владимир Жемчужников) к публикуемой комедии приписывает сыну Козьмы Пруткова Андронику, «Фантазия» же, написанная Алексеем Жемчужниковым и Алексеем Толстым (по некоторым сведениям, при участии В. М. Жемчужникова), приписывается Антону и Агапию Прутковым. Они же названы авторами «Торжества добродетели» («Министра плодородия»). При этом делается указание, что впредь имена создателей будут правильно и добросовестно обозначаться под принадлежащими им произведениями. Не означает ли это участия Алексея Толстого в «Министре плодородия»? В. М. Жемчужников в письмах к Пыпину не перечисляет авторов этой комедии.

Между тем в «Министре плодородия» есть черты, предвосхищающие знаменитую сатиру Алексея Толстого «Сон Попова», написанную много лет спустя (в 1873 г.).

Как известно, в этой сатире в лице министра изображен министр внутренних дел П. А. Валуев — консерватор и реакционер под маской либерала. В приведенном выше письме В. М. Жемчужникова указано, что Валуев принял на свой счет и публикуемую комедию. Главный герой ее де Лагероньер, «сановник и журналист» (сочетание, характерное для Валуева), добивается места товарища министра плодородия с помощью лести и приспособления ко взглядам министра. До своего назначения в 1861 г. министром внутренних дел, в годы подготовки крестьянской реформы, Валуев был директором департамента в Министерстве государственных имуществ, возглавлявшемся яростным реакционером М. Н. Муравьевым, впоследствии получившим печальную славу усмирителя восстания 1863 г. в Польше и Литве. Будучи подчиненным Муравьева, Валуев писал в его духе проекты и доклады, направленные против реформы. Получив же пост министра внутренних дел, Валуев сразу порвал с Муравьевым и стал прикрывать реакционную деятельность громкими и пустозвонными либеральными фразами, на которые он был большой мастер. Возможно, что в пьесе есть намек на прошлое Валуева — на его стремление сделать карьеру в Министерстве государственных имуществ, к которому, как будто, ближе, чем к другим тогдашним министерствам, подходит пародийное название «министерство плодородия». Либеральная фраза, прикрывавшая русский абсолютизм, в конце 1850-х — начале 1860-х годов, с замечательной остротой пародирована в «Сне Попова». Она пародируется и здесь. Так, секретарь де Лагероньера Гюгель, применяющийся к его фразеологии, произносит такую фразу: «...нет на свете государства свободнее нашего, которое, наслаждаясь либеральными политическими учреждениями, повинуетя вместе с тем малейшему указанию власти». Подобные фразы метко вскрывают лицемерие «либерального» правительства Александра II. Отметим, что де Лагероньер — фамилия не вымышленная и взятая не случайно. Публицист Луи-Этьен виконт де Лагероньер стоял

на республиканских позициях до переворота Наполеона III, а при Наполеоне перешел на его сторону и был назначен сенатором.

Еще ближе к «Сну Попова» разработана другая тема — произвола и мошенничества тайной полиции. Надо полагать, что именно эта тема вызвала цензурный запрет комедии. Полковник тайной полиции Биенинтенсионне (то есть «Благонамеренный») постепенно вписывает в список «неблагонадежных» всех остальных действующих лиц, — и в финале сам становится министром плодородия. У полковника приторно-сладкие манеры. Он все время «целует взасос» всех персонажей и, даже объявив им, что все они вольнодумцы, все «вписаны» им, не получают желанных назначений, а частью даже «подлежат уничтожению», он «утирает слезу сострадания и подходит поочередно к каждому с расprostертыми объятьями». Это близко напоминает манеру «лазоревого полковника» из «Сна Попова», который чередует угрозы с нежностями и при этом утирает «обильный струящийся ручей» слез «платком, узором шитым». Биенинтенсионне, впервые увидя одного из персонажей комедии и уже «вписав» его, — «целует его взасос» и обращается к нему с такими словами: «Я вам второй отец! Как ваше имя? Кто вы такой?» (ср. в «Сне Попова»: «И я хочу вам быть второй отец»).

Мы уже указывали, что в произведениях Козьмы Пруtkова 1860-х годов, особенно в «Проекте: О введении единомыслия в России» предвосхищаются позднейшие сатирические мотивы Щедрина⁹. Это можно сказать и о публикуемой комедии.

В 1885 г. Щедрин в «Пестрых письмах» в качестве пародии на чиновничьи проекты имеющие целью усиление бюрократического вмешательства в народную жизнь, — выдвигает проект создания «института племенных молодых людей» с целью поставить под контроль правительства «свойства грядущих поколений». Идея бюрократического регулирования «самого движения народонаселения» выражена в комедии Козьмы Пруtkова в словах министра плодородия: «Плодородие должно зависеть от министерства, т. е. от меня. Я не хочу, чтобы в нашем отечестве что-либо росло и рождалось без моего позволения (...), даже самое движение народонаселения, понимаете, должно подлежать моему надзору. Всё, что будет сверх сметы, — вои!».

Самые названия «министерство плодородия», «министерство народного подозрения» предвосхищают характерные для щедринских циклов 1870-х годов названия: «министерство оплодотворения и министерство отчаяния», «департамент предотвращений и пресечений», «департамент возмездий и воздаяний» и т. п.

Конечно, как во всех произведениях Козьмы Пруtkова, достаточно заметна в комедии и стихия неприязнательного каламбура, комической бессмыслицы; так же Лагероньер, который должен сесть в ванну с отрубьями, садится на мешок с отрубьями, поставленный в ванну, и т. п.

В комедиях Козьмы Пруtkова вообще много бездумного балагурства. Но из всех его комедий «Министр плодородия» — единственная, содержащая политически острые мотивы, которые и привели к ее запрещению цензурой.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Полн. собр. соч. Козьмы Пруtkова. Вступительная статья, редакция и примечания Б. Я. Бухштаба. Л., 1949, стр. 346.

² Там же, стр. 384.

³ Козьма Пруtkов. Полн. собр. соч. Вступительная статья, редакция и примечания П. Н. Беркова. М.—Л., 1933, стр. 449—464. Также в книге П. Н. Беркова: Козьма Пруtkов, директор Пробринной палатки и поэт. К истории русской пародии. Л., 1933, стр. 190—200.

⁴ Полн. собр. соч. Козьмы Пруtkова. Л., 1949, стр. XX.

⁵ Там же, стр. 339.

⁶ Там же, стр. 349.

⁷ Там же, стр. 287.

⁸ О датировке «Военных афоризмов» — см. там же, стр. 371.

⁹ Там же, стр. XIX, 377.

ТОРЖЕСТВО ДОБРОДЕТЕЛИ

ДРАМА В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ ИЗ ФРАНЦУЗСКОЙ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

СОЧ. АНТОНА И АГАПИЯ ПРУТКОВЫХ

От потомков Козьмы Петровича Пруткова
в редакцию «Современника»

Редакция «Современника» всегда пользовалась благорасположением незабвенного родителя нашего, Козьмы Петровича Пруткова. Еще в 1850-х годах он избрал, с свойственною ему проициательностью, именно сию редакцию для оглашения свету славного своего имени и неподражаемых своих произведений. Скажем более: редакция «Современника» содействовала прославлению не только папеньки нашего, но и более отдаленных предков наших, как-то: деда — Петра Федотыча Пруткова, автора комедии «Черепослов, сиречь Френолог», и прадеда — отставного премьер-майора и кавалера Федота Кузьмича Пруткова, автора «Гисторических материалов». Ободренные таким вниманием к семейству Прутковых, мы — дети покойного Козьмы Петровича Пруткова — подражая во всем незабвенному родителю нашему, стремимся и по смерти его доказать свету, что талант творчества и глубокомыслие суть преемственные и наследственные дары в знаменитом роде Прутковых. Посему вследствие долгого и основательного суждения в семейном нашем совете мы порешили обратиться к «Современнику» с просьбою: не отказать публике в удовольствии познакомиться и с собственными нашими, детей Козьмы Пруткова, произведениями. Большая часть наших творений оставалась до сего времени семейною нашею тайною; только одно из них, комедия «Любовь и Силин», напечатано в журнале «Развлечение», и одно — именно комедия «Фантазия» — было сыграно раз в Александринском театре в 185* году в бенефис г. Максимова. Теперь мы препровождаем для напечатания сию последнюю комедию («Фантазию») и драму в 4-х действиях «Торжество Добродетели». — Само собою разумеется, что мы не все вместе писали эти драматические произведения, тем более, что нас, ближайших потомков Козьмы Петровича Пруткова, весьма много, — брак Козьмы Петровича был благословлен многочадием! Один из нас, соименник Кузьмы Петровича, Кузьма Кузьмич Прутков, пока еще остается неизвестным публике; но мы предупреждаем, что в нем воскреснет талант нашего знаменитого родителя. До того времени пусть публика наслаждается произведениями его братьев, из коих Андроник есть творец комедии «Любовь и Силин», Антон и Агапий суть творцы комедии «Фантазия» и драмы «Торжество Добродетели». — Обещаем и впредь откровенно и правильно, с родственною добросовестностью обозначать имя каждого из нас под принадлежащим ему произведением.

К сему считаем нужным присовокупить, собственно для гг. Геннади, Лонгинова, Галахова и других почтенных библиографов: хотя отец наш, Кузьма Петрович Прутков, давно уже переселился в горния, но мы как люди современные и искренние дети — продолжаем пользоваться его советами, подвергать его рассмотрению все наши произведения и почтительно принимать все его замечания; для этого мы употребляем средства, указанные спиритами, т. е. сносимся с покойным нашим родителем посредством столов и тарелок. Таким способом, напр., получено нами примечание Козьмы Петровича к 4-му действию драмы «Торжество Добродетели». Мы считаем обязанностью своею предупредить об этом гг. Геннади, Галахова и Лонгинова, предвидя, что — без такого объяснения — они по обыкновению пришли бы к ложным догадкам и заключениям,

которые неизбежно подали бы повод к весьма важным недоразумениям и даже — чего не дай бог! — к серьезной ссоре как между ними, так и между законными их потомками.

Примите и проч.

Подлинное подписано — шестью дочерьми и семью сыновьями Кузьмы Петровича Пруткова. Скрепили — секретари семейного совета Прутковых, племянники Кузьмы Петровича — Воскобойников и Шерстобитов.

11 октября 1864 г.

СПб.

Действующие лица:

Министр плодородия.

Де Лагероньер, журналист и сановник.

Гюгель, его секретарь.

Биенинтенсионне, полковник.

Пино, владелец москательных и благовонных товаров.

Покупатели и приказчики.

Действие в Париже, на квартирах действующих лиц.

ДЕЙСТВИЕ I

Сцена первая

(Кабинет де Лагероньера. Де Лагероньер сидит за письменным столом.

Гюгель перед ним в видмундире, с портфелем под мышкой).

Де Лагероньер. Итак, любезный, кажется, дело мое идет хорошо... Министр плодородия получил обо мне — посредством полковника Биенинтенсионне — самое выгодное мнение... Недаром я задобрил полковника!.. Но теперь-то и пора мне действовать, чтобы получить место товарища министра плодородия! Необходимо, мой любезный, узнать все его вкусы; надобно знать, что ему более всего нравится в человеке? И даже самую наружность свою должно сообразить с его взглядами на природу!.. Так слышишь ли, Гюгель, собери мне об этом надлежащие сведения.

Гюгель. Ваше превосходительство можете быть спокойны; — мнения министра плодородия и по сему предмету мне основательно известны. Вам, ваше превосходительство, легко будет им понравиться. В товарище своем они прежде всего желают видеть здоровый цвет лица: «Человек, от которого пышет здоровьем, — так изволили выразиться министр, — не может иметь вредного образа мыслей; он здоров — значит он доволен»; «желтизна лица, — говорят они, — напротив, означает человека беспокойного, непокорного, на коего нельзя положиться; малейший прыщик на лбу, — так сказали его высокопревосходительство, — малейший прыщик на лбу, — говорят они, — вселяет в меня подозрение».

Де Лагероньер. Кажется, то же самое говорил Какс-Юлиус Цезарь?

Гюгель. Статься может, ваше превосходительство.

Де Лагероньер. Однако подай сюда зеркало... (Глядится в оное.) Кажется, у меня немного лупится кожа?..

Гюгель. От усиленных трудов, ваше превосходительство.

Де Лагероньер. Разумеется! Но министр не примет и этого в уважение; он подумает, пожалуй, что я езжу на Среднюю рогатку! Надо этому помочь. — Гюгель, съезди, братец, к Пино за косметикой; я сяду сегодня в ванну с отрубями, слышишь? Но это после, а теперь бери перо и пиши под диктовку. *(Встает и выходит за авансцену.)* Я напишу министру письмо, в котором затрону слабую его сторону! *(Ходит взад и вперед, погруженный в соображения. Гюгель сидит с пером и следит за ним глазами и головой.)* Пиши: «Ваше высокопревосходительство! Что есть лучшего? Бесспорно — здоровье человека. Здоровый цвет лица есть признак довольства. Напротив, желтый цвет означает человека непокорного начальству, беспокойного и вредного образа мыслей. Малейший прыщик на лбу вселяет в меня омерзение». Ведь так сказал министр!

Гюгель. Они сказали: подозрение.

Де Лагероньер. Ну, а я что говорю? Я и говорю: подозрение! Так и пиши.

Гюгель *(пишет)*. Подозрение...

Де Лагероньер. «Подозрение!.. Цели, к которым стремится ваше высокопревосходительство, обнимая собою всю будущность страны, так многосложны и обширны, что непростительно было бы малейшему сыну отечества не пепись, хотя слабыми силами своими, содействовать к осуществлению оных». Написал?

Гюгель. Оных...

Де Лагероньер. «Оных...» Точка, в другую строчку: «Примите, ваше высокопревосходительство, благосклонно сие краткое изложение образа мыслей, как усердное выражение благоговейного сочувствия к мудрым предначертаниям вашего высокопревосходительства. С совершенным почтением и пр.».

Гюгель *(пишет)*. «Покорнейший слуга» изволите написать своеоручно?

Де Лагероньер. Разумеется, братец, — какой ты несообразительный!.. *(Подписывает)*. Вложи в пакет и отправь. Да не забудь к Пино, а потом ванну с отрубями. Я еду развлекаться.

Гюгель. Сердце радуется, ваше превосходительство, когда изволите так говорить.

(Де Лагероньер уходит.)

Сцена вторая

Гюгель *(подходит к авансцене)*. Честолюбец ушел, но *(оглядывается)* не бывать ему товарищем! Это место принадлежит мне! Клянусь своим рангом, я сыграю ему такую <штуку>, что министр плодородия будет смотреть на него — с омерзением!.. *(Забирает бумаги и уходит.)*

ДЕЙСТВИЕ II

<Сцена первая>

(Кабинет министра плодородия.)

Министр плодородия *(один)*. Многие думают, что я достиг высшей точки почестей и завидуют мне. Глупая толпа ползающих рабов! Они не знают, что человек истинно великий, истинно государственный, никогда ничем не доволен... Что мне в этом министерстве? Это — песчинка на берегу морском! Я заберу в руки еще министерство здоровья. Надобно только найти такого товарища, который был бы слепым моим орудием, в котором были бы преданность и усердие; тогда я взвалю на него все

плодородие и — хватаюсь за здоровье!.. Но где этот товарищ? Слишком способного мне не надо; ленивца также не хочу; нужен человек работающий и — который бы мне удивлялся... Удивлять я могу, за этим дело не станет! Биенинтенсионне говорил мне о каком-то де Лагероньере, но этим полковникам верить нельзя; у них есть задняя мысль, — пожалуй, прикомандирует соглядатая? Вот если бы мне самому увидеть этого де Лагероньера, я бы сразу отгадал человека; но посылать за ним нет предлога, а ехать к нему своим лицом — неприлично!.. Не знаю что делать?

(Входит человек с письмом.)

Это что? Ба! От самого де Лагероньера! *(читает)*. «Что есть лучшего?» Гм! Гм!.. «Желтый цвет лица... прыщик... вселяет подозрение». — Это правда! — «Будущность страны... сыну отечества... содействовать... мудрым предначертаниям... с совершенным почтением». — Мне нравится слог. Хороший образ мыслей. Образ мыслей отличный! Может быть, он поддельвается под меня, но это доказывает преданность, это хорошо. Да кроме того, в письме видна глупая наивность. Таких людей я люблю, такого мне и нужно, я не мог бы отыскать лучшего. Теперь надо его чем-нибудь обязать, чтоб возбудить удивление и благодарность и тем навсегда привязать его... Что бы ему сделать? Подарить ему мои старые эполеты, когда я был еще военным? Он будет благодарен, но это не удивит его, этому бывали примеры... Ба! Нашел! Поеду к нему своим лицом! Этой чести он не ожидает и никогда не забудет... Эй! Человек! карету!.. Поеду своим лицом и — привезу эполеты... Удивлять, так удивлять! Обязать, так обязать! Карету, говорю я!

Входит полковник Биенинтенсионне.

Сцена вторая

Биенинтенсионне. Извините, милый друг, что без доклада! Хотел заставить вас — за работою! Так приятно видеть государственного человека в своем святилище... *(Подходит к письменному столу.)* Вечные занятия? Вечные соображения о благе нашего любезного отечества! *(Министр плодородия поспешно прячет бумаги.)* Что это? Недоверие! Стыдитесь, любезный друг, иметь от меня секреты! Мы должны идти рука об руку, должны служить одному делу, вместе обуздать безумное направление века!

Министр плодородия. С этим я согласен.

Биенинтенсионне. Задача трудная! Волнение умов и запутанность понятий удивительные! Хорошие люди редки, настоящее понятие о чести и долге все более исчезает. *(Таинственно и многозначительно.)* Я в настоящее время знаю очень немногих благонадежных, — остальные почти все у нас вписаны. Скоро придется вписать и последних. Исключаю одного, именно: г. де Лагероньера. Это человек золотой; этот бы и вам пригодился.

Министр плодородия *(в сторону)*. Хотя я и решил взять его в товарищи, но сделаю это будто в угождение полковнику. Эта каналья может пригодиться. Et de cette maniere je <lancerai> d'une pierre deux coups*; — и его также обяжу благодарностью, таковы мои правила! *(Громко.)* Конечно, может быть, г. де Лагероньер человек очень достойный, но я уже выбрал себе товарища и не располагаю более этим местом. *(В сторону.)* Il faut se faire prier**.

* И таким образом, одним ударом я убью двух зайцев (франц.).

** Нужно заставить себя попросить хорошенько (франц.).

Б и е н и н т е н с и о н н е. Что слышу, любезный друг, вы взяли товарища, не посоветовавшись со мною? Вы на меня плюете! (*Грозит ему пальцем.*) «Не плюй в колодезь!»

М и н и с т р п л о д о р о д и я. Что же делать, я дал слово.

Б и е н и н т е н с и о н н е. Вольному воля, спасенному рай! Кстати о воле; помните ли, друг мой, ваше прекрасное стихотворение о воле, или о свободе, которое вы написали, когда были еще учеником политехнической школы? Оно начинается так:

«Народов идеал, свобода золотая!»

М и н и с т р п л о д о р о д и я (*с испугом*). Полноте, полноте! Мне было семнадцать лет, когда я написал эту глупость!

Б и е н и н т е н с и о н н е (*декламирует*). «Семнадцать только лет, не более того!» (*Шутливо*). *Se qui est différé n'est pas perdu...**

М и н и с т р п л о д о р о д и я (*в сторону*). Этот аспид мне угрожает; моя хитрость не удалась, надобно сдаться... Но как они узнали это проклятое стихотворение, которое я сам давно забыл?

Б и е н и н т е н с и о н н е (*декламирует*). «Народов идеал, свобода золотая...»

М и н и с т р п л о д о р о д и я. Ради бога, полковник, перестаньте; нас могут услышать... Если вы ручаетесь за вашего де Лагероньера, мне достаточно вашего желания, чтобы сделать вам приятное. Мне ничего не стоит взять назад данное честное благородное слово и сделать товарищем де Лагероньера.

Б и е н и н т е н с и о н н е (*целует его врасос*). Драгоценный вы мой друг! Благодарю вас, я этого никогда не забуду! А де Лагероньер будет служить вам верой и правдой!

М и н и с т р п л о д о р о д и я (*жмет ему обе руки*). Для любезнейшего полковника сделаю более: поеду сам к де Лагероньеру и подарю ему пару своих старых эполет, когда еще был военным!..

Б и е н и н т е н с и о н н е (*хитро*). Учеником политехнической школы?

М и н и с т р п л о д о р о д и я (*в сторону*). Аспид, свинья!

Б и е н и н т е н с и о н н е (*целует его врасос*). Благодетель вы мой, этого никогда не забуду! (*В сторону.*) Струсил, подлец! И тебя впишу, коли обманешь! (*Громко.*) Истинно, истинно глубоко вам благодарен.

М и н и с т р п л о д о р о д и я. Да посидите немножко, побеседуемте, поговоримте о чем-нибудь. Ваша беседа поучительна и драгоценна для всякого государственного человека.

Б и е н и н т е н с и о н н е. Не могу, мамочка, спешу в министерство народного подозрения. (*Уходит.*)

М и н и с т р п л о д о р о д и я (*кричит*). Карету, как сказано выше!

Д Е Й С Т В И Е ІІІ

Магазин Пино

(*Пино, Гюгель, разные покупщики; спустя несколько времени входит Биенинтенсионне.*)

Г ю г е л ь. Неаполитанского мыла — фунт. Казанского — три фунта. Лоделавану большую склянку. Завернули?

* То, что отсрочено — не потеряно (франц.).

П и н о. Завернул-с.

Г ю г е л ь (*скороговоркой*). Красного перцу — фунт, крепкой водки — склянку, серной кислоты — две склянки; поскорей заверните особо.

(Входит Биенинтенсионне и слышит последние слова).

Б и е н и н т е н с и о н н е (*в сторону*). «Заверните особо!» Все едкие вещества, гм! (*к Пино*). Пожалуйста, почтеннейший, сургучей разных цветов и нюансов. Да самого чистого желтого воску.

П и н о. Вам для спуска-с?

Б и е н и н т е н с и о н н е. Нет, снимать слепки с печатей.

П и н о (*подает ему*). Три рубля семьдесят пять копеек.

Б и е н и н т е н с и о н н е (*берет сверток и не платит*). Хорошо.

Г ю г е л ь (*к Биенинтенсионне*). Полковник, позвольте два слова.

Б и е н и н т е н с и о н н е (*берет его под руку и отводит на авансцену*). благородный молодой человек! Говорите смело, не жалейте ни отца, ни матери; я ваш истинный друг и приятель! Тайна останется между нами, я даю вам благородное слово! Ваш откровенный поступок не останется без внимания. Кого вы заметили в вольнодумстве?

Г ю г е л ь. Нет-с, я не о том.

Б и е н и н т е н с и о н н е (*целует его врасос*). Я вам второй отец! Как ваше имя? Кто вы такой?

Г ю г е л ь. Секретарь господина де Лагероньера, Модест Гюгель, к вашим услугам.

Б и е н и н т е н с и о н н е. Де Лагероньера! Это мой приятель; мы всегда крестим друг у друга детей. Итак, вы что-нибудь про него знаете? Говорите откровенно.

Г ю г е л ь. Я готов все положить на алтарь отечества.

Б и е н и н т е н с и о н н е (*целует его врасос*). Я это знал; я в тебе не ошибся! Итак?..

Г ю г е л ь. Г. де Лагероньер человек неблагонадежный...

Б и е н и н т е н с и о н н е. Я это знаю.

Г ю г е л ь. Здоровья плохого.

Б и е н и н т е н с и о н н е. Самого скверного.

Г ю г е л ь. Весь в прыщах.

Б и е н и н т е н с и о н н е. Конечно, но я их не заметил.

Г ю г е л ь. Они покажутся завтра.

Б и е н и н т е н с и о н н е. Как завтра?

Г ю г е л ь. Завтра он будет весь в прыщах.

Б и е н и н т е н с и о н н е. К чему это клонится?

Г ю г е л ь. Может ли человек в прыщах быть товарищем министра плодородия?

Б и е н и н т е н с и о н н е. Будут, конечно, затруднения. Но что же вы полагаете?

Г ю г е л ь. Полковник, у меня цвет лица чист, я все готов положить на алтарь отечества. Скажите за меня слово министру, и я буду товарищем.

Б и е н и н т е н с и о н н е. Благородный молодой человек! Ваше желание показывает сметливость. Если ваше усердие равняется оной, обещаю за вас хлопотать. Но согласны ли вы быть моим соглядатаем при министре?

Г ю г е л ь. Все положу на алтарь отечества!

Б и е н и н т е н с и о н н е (*целует его врасос*). Ты будешь товарищем! (*В сторону*.) А едкие вещества, завернутые особо, я все-таки не забыл! Буду иметь в виду.

Оба выходят.

ДЕЙСТВИЕ IV

(Спальня де Лагероньера. Де Лагероньер сидит в ванне*. Возле него на стуле Гюгель).

Де Лагероньер (*высовывая голову из ванны*). Прибавь лоделавану. Так. Неаполитанское распустил?

Гюгель. Распустил, ваше превосходительство.

Де Лагероньер. А казанское?

Гюгель. И казанское, ваше превосходительство.

Де Лагероньер. Прибавь лоделавану. Что, цвет лица лучше?

Гюгель. Заметно поправляется, ваше превосходительство.

Де Лагероньер. Прибавь лоделавану, не жалея его, мошенника. А как, сколько сидеть на отрубях? Что, брат Гюгель, они зашиты в мешки?

Гюгель. В наволочке, ваше превосходительство.

Де Лагероньер. А если наволочка прорвется?

Гюгель. Не дай бог! ваше превосходительство!

Де Лагероньер. То-то, не дай бог! Если прорвется, я тебя, братец, прогоню! Не забудь, что у тебя жена и семеро детей; куда ты с ними денешься?

Гюгель. Боже сохрани, ваше превосходительство, чтоб прорвалась! Вы только не извольте ездить на мешке.

Де Лагероньер. Дурак, я езжу только в карете! Советую тебе не забываться. Прибавь лоделавану.

Гюгель (*в сторону*). Бездушный честолюбец! (*Бросает что-то в ванну и говорит скороговоркой*): Красный перец!

Де Лагероньер. Что ты сказал?

Гюгель. Я говорю, что ваше превосходительство наш второй отец.

Де Лагероньер. То-то, второй отец. Прибавь кипятку! (*Гюгель льет*.) На ноги льешь, на ноги льешь! Смотри, только опшарь их!

Гюгель (*льет еще что-то в ванну, говоря в сторону*). Крепкая водка!

Де Лагероньер. Что ты говоришь?

Гюгель. Я сказал: какое благоденствие осенит наше любезное отечество, когда ваше превосходительство сделаетесь товарищем министра плодородия.

Де Лагероньер. Ты, кажется, не то сказал? Мыла прибавь.

Гюгель (*льет и говорит скороговоркой*). Серная кислота!

Де Лагероньер. Что ты говоришь?

Гюгель. Я говорю, что нет на свете государства свободнее нашего, которое, наслаждаясь либеральными политическими учреждениями, повинутся вместе с тем малейшему указанию власти.

Де Лагероньер. Это правда.

Гюгель. Кожа вашего превосходительства заметно делается нежнее. (*В сторону*.) Завтра будешь в прыщах!

Де Лагероньер. Однако твоя наволочка что-то очень растопырилась, я насилу держу равновесие... Смотри, если отруби выскочат! Ты у меня висешь на волоске...

Гюгель. Не извольте беспокоиться.

Де Лагероньер. Что, брат Гюгель, думал ли ты когда-нибудь, что мы будем товарищем? А? Каково? А ведь от какой безделицы зависит иногда счастье человека! Не будь у меня средства купить косметики для приобре-

* Для этого актеру не следует в самом деле раздеваться и садиться в воду; оно было бы на сцене неприлично. Он может, сев в сухую ванну, накрыть оную простыней, из-под коей выставить только мокрую голову и шею без галстука и такую руку. В ногах должно поместить в ванне ведра, в кои и вливать воду, будто в ванну. Так представляли мои дети на домашнем моем театре, и вышло очень хорошо.— *Прим. Козьмы Пруткова.*

тения здорового цвета лица, вскочи у меня завтра хоть единый прыщик на лбу — и все пропало!

Гюгель. Все лопнуло, ваше превосходительство.

Де Лагероньер (*с испугом*). Как лопнуло? Что лопнуло?..

Гюгель. Не будет удачи, ваше превосходительство.

Де Лагероньер. А, да... А я думал ты говоришь про мешок!

Гюгель. Про оный вы лучше изволите знать, ваше превосходительство, потому он под вами.

Де Лагероньер. Подай зеркало. Да кто там ходит в боскетной? Поди, посмотри.

Гюгель (*идет и возвращается*). Ваше превосходительство, ваше превосходительство!.. Его высокопревосходительство, сам министр плодородия изволили приехать!..

Де Лагероньер. Быть не может... Врешь!..

Гюгель. Провались я сквозь землю, вместе с вами, ваше превосходительство, если говорю неправду!..

Де Лагероньер. Боже мой, как быть!.. Простыню!..

Голос министра плодородия (*за дверью*). Без церемоний, почтеннейший господин де Лагероньер, если вы в халате, оставайтесь в оном.

Де Лагероньер. Ах, что делать?!.. Счастливая мысль! Приму его в ванне: это означает заботливость о здоровье, — он будет доволен!.. Что бы мне ему сказать?! Ба! он любит веселое расположение духа, — так затяну же я песенку, будто не знаю, что он здесь! (*Поет.*) «При долинушке стояла...»

Голос министра. Я к вам за небольшим делом.

Де Лагероньер (*будто не слышит, продолжает «Калину ломала!»*).

Голос министра. Да позвольте же войти!

Де Лагероньер (*по-прежнему*). «Ты поди, моя коровушка, домой!»

Голос министра. Милостивый государь, вы забываетесь!..

Де Лагероньер (*продолжает*). «Ты поди, поди, недоенная!..»

Голос министра. Нет, это уж слишком!..

Сам министр (*отпирает дверь и видя де Лагероньера в ванне, останавливается в восхищении*). Усладное зрелище! Мой будущий товарищ — в ванне!..

Де Лагероньер (*хочет выскочить из ванны*). Ваше превосходительство, не нахожу слов!.. Я в таком замешательстве!..

Министр (*бросается к нему и удерживает его в ванне*). Сидите, сидите, мой милый, мне вчуже приятно!..

Де Лагероньер. Такое неожиданное посещение!.. (*Хочет выскочить.*)

Министр (*удерживает его за плечи*). Говорю — сидите; мне приятно видеть подчиненного в мыле!.. Поговоримте лучше о деле... (*Садится около ванны.*) Вы хотите быть моим товарищем? Какой у вас взгляд на вещи?

Де Лагероньер. Я более смотрю на них косвенно.

Министр. Это хорошо. А направление века?

Де Лагероньер. Можно дать другое направление.

Министр. Это необходимо. Когда я займусь министерством здоровья, то поручу вам плодородие. Дайте ему совершенно другое направление.

Де Лагероньер. В каком смысле я должен понимать?..

Министр. В самом прямом смысле. Плодородие должно зависеть от министерства, т. е. от меня. Я не хочу, чтобы в нашем отечестве что-либо росло и рождалось без моего позволения. О всех посевах надо

будет представлять мне смету на утверждение. Без моего ведома чтоб никто не смел посеять ниже крес-салату. Все, что вырастает мимо меня — вон!

Де Лагероньер. Это показывает глубокую заботливость вашего превосходительства.

Министр. Таков мой взгляд. Куры, яйца, свиноводство и даже самое движение народонаселения, понимаете, должно подлежать моему надзору. Все, что будет сверх сметы — вон! Я на вас надеюсь, и в знак моего расположения я привез вам мои старые эполеты. Положите их под стекло.

Де Лагероньер (*хочет вскочить*). Такая неожиданная милость, ваше высокопревосходительство...

Министр. Сидите, сидите.

Де Лагероньер. Не могу, не могу; слишком великая милость!.. (*Хочет вскочить; между ними начинается борьба; Гюгель заграждает их ширмами; из-за ширм слышны голоса.*)

Голос министра. Таки выскочил пострел!

Голос де Лагероньера. Обнимая ваше высокопревосходительство, я обнимаю все отечество!

Голос министра. Тьфу! перестаньте, вы мокры и в отрубях!..

Голос де Лагероньера. Значит, прорвалась наволочка!.. Я прогону Гюгеля!.. Позвольте обнять ваше высокопревосходительство!

Слышна борьба.

Голос Биенинтенсионне (*тоже за ширмами*). Извините, господа, что без доклада... Ах, какой срам!.. Да наденьте хоть простыню!..

Гюгель отодвигает ширмы. Те же и Биенинтенсионне. Де Лагероньер в простыне.

Биенинтенсионне. Странное зрелище, странные простушки!

Де Лагероньер. Полковник, я рад видеть вас! Порадуйтесь моему счастью! Министр дал мне слово — я буду его товарищем; — вот его эполеты!..

Биенинтенсионне. Долг чести повелевает мне, драгоценный друг, воспрепятствовать этому: вы поступили безнравственно, выскочив из ванны; — безнравственный человек не может быть назван товарищем!

Де Лагероньер. Что я слышу?.. вспомните, полковник, вы у меня крестили детей!..

Биенинтенсионне. Тем паче! Не пожалею ни отца, ни матери для блага службы.

Министр плодородия (*вглядывается в де Лагероньера*). Боже! Что я вижу! 25 прыщей на лбу! Ты меня надул, ты заговорщик!.. Никогда не будешь моим товарищем, — отдай назад эполеты!.. Полковник, я беру свое честное благородное слово назад — я буду иметь другого товарища!

Биенинтенсионне. Не беспокойтесь. Вам более товарищ не нужен. Вы более не будете министром. По долгу чести я предъявил ваше стихотворение: «Народов идеал, свобода золотая!»

Министр. Что я слышу?

Гюгель (*подходит к полковнику*). Итак, теперь товарищем буду я? У кого я буду согладатаем?

Биенинтенсионне (*торжественно и строго*). Когда нет министра, нет и товарища! — Ты, злонамеренный, подлежишь уничтожению за то, что подмешал едкие вещества в ванну своего благодетеля... — Все вы вольнодумцы, всех вас следует вписать, но — это не мешает нам оставаться в коротких дружеских отношениях. Друзья мои! позвольте утереть слезу сострадания и расцеловать вас! (*Утирает слезу сострадания и подходит поочередно к каждому с распростертыми объятьями.*) Теперь прощайте! Еду в министерство подозрения, — там впишу Пино за прода-

жу едких веществ. А потом — подарю в своем лице нашему любезному отечеству кандидата в министры — и здоровья и плодородия. (*Уходит.*)

Немая картина. Занавес опускается.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Ниже публикуется неизвестная сатира К. Пруткива на славянофилов — «Современная русская песнь».

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ПЕСНЬ

Уж как мы ль, друзья, люди русские!..
 Всяк субботний день в банях паримся,
 Всякий божий день жирны щи едим,
 Жирны щи едим, гречневку лопаем,
 Всё кваском родным запиваючи,
 Мать святую Русь поминаючи,
 Да любовью к ней похваляючись,
 Да всё русскими называючись...
 И как нас-то все бранят попусту,
 Что ничего-то мы и не делаем,
 Только свет коптим, прохлаждаемся,
 Только пьем-едим, похваляемся...
 Ах, и вам ли, люди добрые,
 Нас корить-бранить стыдно б, совестно:
 Мы работали б, да хотенья нет;
 Мы и рады бы, да не хочется;
 Дело плевое, да труда бежим!..
 Мы труда бежим, на печи лежим,
 Ходим в мурмошках, да про Русь кричим,
 Всё про Русь кричим, — вишь, до охрипу!
 Так еще ль, друзья, мы не русские?!..